

Жизнь духовная

А.И. Осипов

Издательство Московской Патриархии
Москва · 2018

Вот наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних (Ам. 8:11). Святитель Игнатий Брянчанинов 150 лет назад, повторяя эти слова пророка, со скорбью писал, что уже в его время трудно было найти наставника не прелестного. Но при этом указывал на еще сохраняющуюся возможность для ищущего христианина обрести путь спасения: «жительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братьев».

* * *

Главная болезнь нашего времени — духовная растерянность верующего человека. Непонимание существа Православия, правильной молитвы, различия между телесным и духовным подвигом, вообще духовной жизни, пагубное смешение средств этой жизни с ее целью, незнание ее критериев и отсюда нередко возникающее глубоко ошибочное мнение о тождестве православного пути богопознания с мистицизмом (прелестью) иных христианских конфессий, иных религий — все это печальный факт современной действительности, обусловленный в первую очередь тем, что верующие совершенно не знакомы с духовным опытом святых отцов. Можно найти специалистов в самых различных областях богословского знания, но трудно встретить того, кто и теоретически, и своей жизнью изучил бы источники христианского ведения — аскетические творения святых отцов, описывающих сам путь и передающих непосредственный опыт действительного, а не воображаемого богопознания.

Однако приобрести даже теоретическое понимание духовной жизни в наше время оказывается не так просто, как может показаться на первый взгляд. Многообразие так называемых духовных путей, которые предлагают сейчас нашим соотечественникам в целях их «спасения» непрошеные «просветители» разных конфессий, является лишь одной из иллюстраций сложности данной проблемы. Немало лженаставников и в самой церковной среде.

Отсюда встает вопрос исключительной важности: что же такое истинная духовность? И хотя об этом, как кажется, достаточно говорит двухтысячелетний опыт Церкви в лице своих святых, однако понимание этого

опыта современным человеком, выросшим в условиях глубоко материалистической цивилизации, встречает огромные трудности.

Эти трудности заключаются в том, что святые отцы свои наставления давали всегда в строгом соответствии с духовным уровнем тех, кому они предназначались. «Просто так», «для науки» подвижники не писали. Поэтому многие их советы, обращенные к монахам и отшельникам высокой жизни и даже к тем, которых в древности именовали новоначальными, оказываются совершенно неприемлемыми для современного христианина, незнакомого и с азами христианской веры. А разнообразие и неоднозначность их советов, обращенных к людям разного духовного и интеллектуального уровня и различных условий жизни, способны не только поставить в тупик неопытного верующего, но и дезориентировать его и привести к серьезным ошибкам.

Избежать же этих опасностей при чтении святых отцов, полагаясь только на свое разумие, очень трудно. Однако и без святоотеческого руководства правильная духовная жизнь невозможна. Перед лицом этой сложной проблемы и выявляется вся та огромная значимость духовного наследия ближайших к нам по времени святых подвижников, которые «переложили» предшествующий святоотеческий опыт богопознания на язык, доступный современному христианину.

Одним из таких отцов, оставивших подробное описание пути в Землю Обетованную и тех препятствий и возможных роковых ошибок, перед которыми оказывается ищущий спасения, является опытейший подвижник XIX столетия святитель Игнатий Брянчанинов (1807–1867). Он, обращаясь к современным ему христианам, писал, как говорилось выше, что единственным спасительным средством, способным теперь помочь каждому искренне ищущему духовной жизни, является «жительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братьев».

Его творения представляют собой одно из таких «отеческих писаний», имеющих при этом особую ценность для современного христианина.

Эта особенность, во-первых, заключается в том, что его творения являются своего рода православной энциклопедией святоотеческого учения по всем основным вопросам духовной жизни.

Во-вторых, они раскрывают святоотеческий опыт богопознания применительно к психологии и ничтожным духовным силам христианина ближайшей к нам эпохи XIX века, которая мало чем отличалась по своей омирщенности от современной.

Духовное состояние нашей Церкви в XIX веке, по суждению таких людей святой жизни, как преподобный Серафим Саровский, Георгий Затворник, святители Игнатий Брянчанинов, Филарет Московский и Феофан Затворник, Оптинские старцы, праведный Иоанн Кронштадтский, и многих других церковных писателей, пришло к крайнему оскудению. Прежде всего это

выразилось в оставлении монашеством умного делания и все большей вовлеченности во внешнюю церковную и мирскую деятельность.

Двадцатый век не мог исправить положение.

Преподобный Варсонофий Оптинский (†1913) говорил: «Догорает теперь старчество. Везде уже нет старчества, у нас в Оптиной догорают огарочки». Так повсюду в России угасала духовная жизнь. А дальше под ней, вслед за западным христианством, стали понимать так называемое участие христианина в таинствах, а духовное состояние Церкви оценивать по активности ее участия в социальной, культурной и политической жизни общества. Однако участие христианина в таинствах говорит лишь о его церковности, но еще не о духовности.

Вовлеченность же Церкви в решение мирских проблем может носить очень разный характер и требует серьезного рассмотрения в каждом отдельном случае, чтобы не отступить от слова Господня: *отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф. 22:21), и не оказаться омирщенной по подобию католичества и протестантства.

Все это показывает, насколько необходимо сейчас изучение тех святоотеческих творений, которые бы наиболее доступно, понятно указывали истинный путь спасения и предупреждали от возможных ошибок на этом пути.

В данном случае среди многих святых наставников избран святитель Игнатий Брянчанинов. Причина этого в том, что трудно из ближайших к нам по времени святых найти того, чьи творения с такой же ясностью, полнотой и чистотой объясняли бы основы духовной жизни и о ком с таким восхищением писали бы многие духовные авторитеты нашей Церкви. Особая ценность творений святителя Игнатия заключается в том, что они дают ищущему спасения христианину совершенно верный «ключ» к пониманию всего святоотеческого наследия. При этом большое значение имеют его исключительное знание святоотеческой духовной литературы, действительно святая, подвижническая жизнь и замечательный писательский талант. Они делают его творения ценнейшим руководством для современного христианина в понимании духовной жизни.

В качестве иллюстрации того, как оценивали святителя Игнатия и его творения отечественные подвижники, приведем их высказывания.

Преподобный Макарий Оптинский сравнивает его с подвижником Древней Церкви преподобным Арсением Великим. «Был Великий Арсений, и у нас в России был бы свой Великий Арсений, если бы он пошел другой дорогой. Это — Игнатий Брянчанинов. Это был великий ум». Многие неправильно понимают эти слова. Смысл же их таков. Святитель Игнатий, вопреки своему самому ревностному желанию, премудрым Промыслом Божиим был снят с пути уединения, затвора, жизни созерцательной и поставлен на другую дорогу — руководства монастырем, а затем епархией, наставляя своими

духоносными творениями множество ищущих духовной жизни. Так, Россия вместо великого молчальника Арсения получила своего великого учителя Игнатия.

Преподобный Варсонофий Оптинский говорил: «Когда я читаю его сочинения, я удивляюсь прямо ангельскому уму, его дивно глубокому разумению Священного Писания. Я как-то особенно располагаюсь к его сочинениям, они как-то особенно располагают к себе мое сердце, мое разумение, просвещая его истинно евангельским светом». А когда хоронили святителя Игнатия «Ангелы дорносили его душу и пели: “Архиерею Божий, святителю отче Игнатие”». Вот была ангельская песнь».

Преподобный Никон (Беляев) Оптинский записал и следующие слова своего старца преподобного Варсонофия: «Пятый том сочинений епископа Игнатия заключает в себе учение святых отцов применительно к современному монашеству и научает, как должно читать писания святых отцов. Очень глубоко смотрел епископ Игнатий и даже, пожалуй, глубже в этом отношении епископа Феофана. Слово его властно действует на душу, ибо исходит из опыта...» А также: «Желающий понять сущность монашества в настоящее время без его сочинений этого сделать не сможет, его сочинения дают ясное понятие об иночестве...»

Преподобный Никон не расставался с книгой святителя Игнатия «Приношение современному монашеству» во время своего пребывания в калужской тюрьме, куда по его просьбе ему передали эту книгу. И в ней самой, и на небольших листочках бумаги имеются карандашные записи, сделанные рукой старца Никона^[1]. В Дневнике старца также есть множество записей о святителе.

Неоднократно отмечал преподобный Никон великую значимость творений святителя Игнатий: «Окончил 5-й том епископа Игнатия. Да, у него был ангельский ум». «Когда я прочел “Слово о смерти” епископа Игнатия Брянчанинова, многое уяснилось мне, чего я прежде совершенно не понимал. Эта книга незаменима в своём роде». «Я читаю епископа Игнатия Брянчанинова. Очень утешаюсь его сочинениями. Не знаю, как благодарить Господа и Батюшку, что имею такое сокровище. Особенно хорошо я теперь читаю у него про молитву Иисусову. Да, кажется, у него все особенно хорошо». «Прочел одну статью о молитве Иисусовой епископа Игнатия Брянчанинова. Я не знаю, как я жил бы без познаний, которые я там почерпнул». «Сейчас я прочел у епископа Игнатия Брянчанинова о кончине мира. Когда я читаю его сочинения, то удивляюсь его поистине ангельскому уму, его дивно глубокому разумению Св. Писания. Его сочинения как-то особенно располагают мое сердце, мое разумение, просвещая его истинно Евангельским светом». «Сочинения епископа Игнатия необходимы, они, так сказать, азбука духовной жизни».

Преподобный Нектарий Оптинский на вопрос, как научиться молитве, дает такой совет: «Прочтите о том в сочинениях епископа Игнатия Брянчанинова. У него все хорошо и просто разъяснено».

Местночтимая святая Волгоградской митрополии Арсения (Себрякова) о пятом томе сочинений святителя Игнатия писала: «Я читаю этот том, как изречения святых отцов». «Читала с большим удовольствием, с душевным утешением и назиданием. Дороги слова самого владыки».

Валаамский старец схиигумен Иоанн (Алексеев) говорил: «Епископа Игнатия я читал еще новоначальным послушником, но все его слова помню и теперь: проходящим молитвенный подвиг просто житья нет от буквоедов. Ах как справедливо сказал мудрый епископ, и это у него вытекало из своего духовного опыта».

Игумен Никон (Воробьев) свидетельствовал: «Как я благодарен ему за его писания! Не понять и не оценить его — значит ничего не понимать в духовной жизни. Смею сказать, что сочинения епископа Феофана (да простит мне святой владыка) — работы школьника по сравнению с трудами профессора — творениями епископа Игнатия Брянчанинова». «Все его писания взяты из отцов и приспособлены для нас. Он пишет о самом нужном — о покаянии, которое есть единственная дверь ко всему доброму».

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) говорил: «Читайте святителя Игнатия, внимайте прочитанному, и козни врагии не посмеют коснуться вас, следующих его советам».

Деятнадцатый век изобилует именами многих прославленных Церковью святителей, но оценки святителя Игнатия и его творений, как видим, носят совершенно исключительный характер. И это делает особенно значимыми его суждения о монашестве, о духовном образовании и обо всей церковной действительности не только для той эпохи, но и для настоящего времени.

Что же завещал своим верным ученикам святитель Игнатий?

Правильная мысль

«Обыкновенно люди считают мысль чем-то маловажным, потому они очень мало разборчивы при принятии мысли. Но от принятых правильных мыслей рождается все доброе, от принятых ложных мыслей рождается все злое. Мысль подобна рулю корабельному: от небольшого руля, от этой ничтожной доски, влачащейся за кораблем, зависит направление и, по большей части, участь всей огромной машины» — так писал святитель Игнатий, подчеркивая то серьезное значение, какое имеют наши мысли, взгляды и теоретические знания в целом для духовной жизни, цель которой — в исцелении, преображении и возрождении души Духом Святым.

Говоря о правильной мысли, святитель Игнатий подразумевал совсем не те схоластические знания, которые даются в духовных школах для будущих священнослужителей и богословов, призванных обучать верующих и ограждать Православие от лжеучений. Святитель Игнатий обращает внимание на знание и неукоснительное соблюдение законов, определяющих

развитие *нового человека* (Еф. 4:24). Ибо как правильное понимание духовной жизни предопределяет успешность процесса перерождения страстного, «плотского» (см.: Рим. 8:5), *ветхого человека* (Еф. 4:22) в *нового*, так и ложная мысль ведет к прелести.

Что значит верить во Христа?

В творениях святителя Игнатия мы находим, во-первых, глубоко духовное объяснение важнейшего положения христианской религии — веры во Христа. Он пишет: «Начало обращения ко Христу заключается в познании своей греховности, своего падения: от такого взгляда на себя человек признает нужду в Исккупителе и приступает ко Христу посредством смирения, веры и покаяния». «Не сознающий своей греховности, своего падения, своей гибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином. К чему Христос для того, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собой, кто признает себя достойным всех наград земных и небесных?» Хочется обратить внимание на несоответствие приведенных слов общепринятому богословскому тезису о вере как начальном условии принятия Христа. Святитель как бы подчеркивает: не в рассудочной вере в то, что Христос пришел, пострадал и воскрес, «начало обращения ко Христу», ибо *и бесы веруют, и трепещут* (Иак. 2:19), а, напротив, сама вера рождается из познания «своей греховности, своего падения», ибо «не сознающий своей греховности... не может уверовать во Христа».

В этом утверждении содержится первое и самое важное положение духовной жизни. В православном понимании верующим может стать и является лишь тот человек, который видит свое духовное и нравственное несовершенство, свою греховность, страдает от нее и ищет спасения. Только смирившийся внутри себя человек способен к правильной, то есть спасающей, вере во Христа. (Отсюда, кстати, становятся очевидными как вся нелепость чисто рассудочной и обрядовой, законнической веры, растящей в человеке самодовольство и гордыню, так и подлинное достоинство истинного смирения.) Мысль святителя Игнатия совершенно ясна: видящий себя разумным и добродетельным не может еще быть христианином и не является им, хотя бы и считал себя таковым. В качестве аргумента святитель приводит историю земной жизни Господа Иисуса, когда Христос был принят со слезами раскаяния простыми, осознающими свои грехи евреями и с ненавистью был осужден на жуткую казнь «умной», «добродетельной», респектабельной иудейской элитой: архиереями, фарисеями (этими самодовольными знатоками церковных установлений, обычаев, уставов и т. д.), книжниками (всезнающими богословами).

Мысль святителя Игнатия постоянно обращается к словам Евангелия: *Не здоровые имеют нужду во враче, но больные* (Мф. 9:12). То есть на путь исцеления и спасения становятся лишь те, которые способны увидеть болезнь своей души, ее неизлечимость собственными силами. Из этого состояния

смирения они обращаются к пострадавшему за них истинному Врачу — Христу. Вне этого состояния, именуемого у отцов также познанием себя, невозможна нормальная духовная жизнь. «На познании и сознании немощи зиждется все здание спасения», — пишет святитель Игнатий. Он неоднократно приводит замечательные слова преподобного Петра Дамаскина: «Начало просвещения души и признак ее здравия заключается в том, когда ум начнет зреть свои согрешения, подобные множеством своим морскому песку». Потому святитель вновь и вновь повторяет: «Смирение и рождающееся из него покаяние — единственное условие, при котором приемлется Христос! Смирение и покаяние — единственная цена, которой покупается познание Христа! Смирение и покаяние — единственное нравственное состояние, из которого можно приступить ко Христу, усвоиться Ему! Смирение и покаяние — единственная жертва, которой взыскует и которую приемлет Бог от павшего человечества (см.: Пс. 50:18–19). Зараженных гордостным, ошибочным мнением о себе, признающих покаяние излишним для себя, исключаящих себя из числа грешников отвергает Господь. Они не могут быть христианами».

Познай самого себя

Каким же образом приобретается человеком спасительное познание себя, своего ветхого человека, открывающее ему всю бесконечную значимость Жертвы Христовой? Послушаем святителя Игнатия: «Я не вижу греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, дозволяющий себе вкушение его — хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца. Тот только может увидеть грех свой, кто решительным произволением отрекся от всякой дружбы со грехом, кто встал на бодрой страже во вратах дому своего с обнаженным мечом — глаголом Божиим, кто отражает, посекает этим мечом грех, в каком бы виде он ни приблизился к нему. Кто совершает великое дело — установит вражду со грехом, насильно отторгнув от него ум, сердце и тело, тому дарует Бог великий дар: зрение греха своего». В другом месте он дает такой практический совет: «Кто отказался от осуждения ближних, помысел того, естественно, начинает видеть грехи и немощи свои, которых не видел в то время, как занимался осуждением ближних».

Кратко основную свою мысль святитель Игнатий выражает следующими словами преподобного Симеона Нового Богослова: «Исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи», то есть открывает, показывает подлинную печальную картину того, что находится и что происходит в его душе.

По существу вопрос о том, как приобретается видение своего греха, или познание себя, своего «ветхого человека» (см.: Рим. 6:6), является центральным в духовной жизни. Святитель Игнатий прекрасно показал его логику: только видящий себя погибающим нуждается в Спасителе; «здоровым» Христос не нужен. Поэтому для хотящего верить во Христа право,

а не по-другому (*и бесы веруют и трепещут* (Иак. 2:19)), стремящегося ко спасению, иначе говоря — для желающего вести правильную духовную жизнь это видение является основной задачей подвига и одновременно главным критерием его истинности.

Добрые дела

Подвиг, не приводящий к видению своей греховности, является лжеподвигом, а духовная жизнь без истинного подвига — лжедуховной. Апостол Павел именно эту мысль высказывает, обращаясь к Тимофею: *Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2:5). Преподобный Исаак Сирийский говорит об этом еще более определенно: «Воздаяние... бывает... не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно оскудеет, то первые будут напрасны».

Последнее высказывание открывает собой еще один важный аспект в понимании духовной жизни и ее законов: не добродетели сами по себе и не труды приносят человеку благо Царствия Божия, которое внутри нас есть (см.: Лк. 17:21), но проистекающее из них смирение. Если не приобретается смирение, бесплодны и бессмысленны все труды и добродетели. В то же время только подвиг исполнения заповедей Христовых научает человека смирению, или, по слову преподобного Симеона, его немощи, через познание которой и открываются человеку врата рая. Так получает своё разрешение одна из сложных проблем в богословии: о соотношении веры и так называемых добрых дел.

Святитель Игнатий уделяет большое внимание этому вопросу. Он рассматривает его в двух аспектах: во-первых, в плане понимания необходимости Жертвы Христовой и, во-вторых, в отношении к христианскому совершенству. Выводы его, выражающие само существо святоотеческого опыта, в то же время очень необычны для многих, незнакомых с писаниями отцов. Он говорит: «Когда б добрые дела по чувствам сердечным доставляли спасение, то пришествие Христово было бы излишним». «Дела мнимо добрые, по влечению падшего естества, растят в человеке его “я”, уничтожают веру во Христа, враждебны Богу...» «Несчастлив тот, кто удовлетворен собственной человеческой правдой: ему не нужен Христос...» «Таково свойство всех телесных подвигов и видимых добрых дел. Если мы, совершая их, думаем приносить Богу жертву, а не уплачивать наш неоплатный долг, то добрые дела и подвиги соделываются в нас родителями душепагубной гордости». Святитель Игнатий даже так пишет: «Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения... ненавистью и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде; признает себя достойным и предостойным наград, земных и небесных». Отсюда и естественный призыв: «Не ищи совершенства христианского в добродетелях человеческих: тут нет его; оно таинственно

хранится в Кресте Христовом». Таким образом, правда и добродетели ветхого и нового человека оказываются не взаимодополняющими друг друга, а взаимоисключающими, ибо первые превозносят человека в своих глазах, ослепляют его и тем «отнимают» у него Христа, вторые, напротив, открывают человеку его падшую природу, смиряют его и приводят ко Христу.

Иными словами, добродетели и подвиги могут быть крайне вредными, если они не основываются на познании своего греха и, в свою очередь, не приводят к более глубокому его видению. «Надо, — наставляет святитель Игнатий, — сперва усмотреть грех свой, потом омыть его покаянием и стяжать чистоту сердца, без которой невозможно совершить ни одной добродетели чисто, вполне...» Как пример святитель приводит оценку подвижниками своего исполнения заповедей. «Подвижник, — пишет он, — только что начнет исполнять их, как и увидит, что исполняет их весьма недостаточно, нечисто... Усиленная деятельность по Евангелию яснее и яснее открывает ему недостаточность его добрых дел, множество его уклонений и поражений, несчастное состояние падшего естества... Исполнение им заповедей он признает искажением и осквернением их...» Поэтому святые, как пишет святитель Игнатий, «омывали свои добродетели, как бы грехи, потоками слез».

«Опасно преждевременное бесстрастие»

Обратимся еще к одному важному принципу духовной жизни, раскрытому в творениях святителя Игнатия. Он состоит в том, что действия как страстей, так и добродетелей находятся в закономерном взаимовлиянии и последовательности, что обусловлено, говоря словами святителя, «сродством между собою как добродетелей, так и пороков». «По причине этого сродства, — пишет он, — произвольное подчинение одному благовому помыслу влечет за собою естественное подчинение другому благовому помыслу; стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первою. Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, сказали отцы, не терпит пребывать бессупружной в сердце». Серьезное предупреждение! Как часто христиане, не зная этого закона, небрежно относятся к так называемым мелким грехам, произвольно, то есть без насилия страсти, согрешая в них, а потом в недоумении, со страданием и отчаянием, уже как рабы, невольно впадают в тяжкие согрешения.

О том, насколько необходимо в духовной жизни строгое соблюдение закона последовательности, свидетельствуют приводимые святителем Игнатием следующие слова опытного наставника в духовной жизни преподобного Исаака Сирина: «Премудрый Господь... благословил, чтобы мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтобы не произошло несварения и мы не умерли. Каждая добродетель есть мать

следующей за нею. Если оставишь мать, рождающую добродетели, и устремись к взысканию дочерей прежде стяжания матери их, то добродетели эти соделываются ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрешь». Святитель Игнатий поэтому строго предупреждает: «Опасно преждевременное бесстрашие! Опасно преждевременное получение наслаждения Божественной благодатью. Дары сверхъестественные могут погубить подвижника, не наученного немощи своей...» Удивительные слова! Для духовно неопытного сама мысль о том, что какая-то добродетель может оказаться преждевременной, тем более смертельной для души, ехидной, покажется просто странной, даже кощунственной. Но именно такова реальность духовной жизни, таков один из ее строгих законов, открытый великим опытом святых. В пятом томе своих сочинений, который святитель назвал «Приношение современному монашеству», в главе десятой, «Об осторожности при чтении отеческих книг о монашеской жизни», он прямо пишет: «Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах его, но и предлагая не свойственные им, возвышеннейшие добродетели».

Правильная молитва

Указанные выше мысли имеют прямое отношение к пониманию важнейшего христианского делания — молитвы. Святитель Игнатий, вместе со всеми святыми, называя молитву матерью и главой всех добродетелей, настоятельно подчеркивает те условия, при которых она является таковой. Напротив, без соблюдения этих условий молитва или оказывается бесплодной, или становится средством глубочайшего падения подвижающегося. Святитель Игнатий приводит, например, слова очень почитаемого им русского подвижника священноинока Дорофея: «Кто молится устами... а о душе небрежет и сердца не хранит, такой человек молится воздуху, а не Богу, и всеу трудится, потому что Бог внимает уму и усердию, а не многоречию». При этом святитель особое внимание уделяет молитве Иисусовой. В силу большого значения этой молитвы для каждого христианина сделаем краткую выписку из замечательной работы святителя Игнатия «О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником».

«В упражнении молитвою Иисусовою есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины и не с конца... Начинают с середины те новоначальные, которые, прочитав наставление... данное отцами безмолвникам... необдуманно принимают это наставление в руководство своей деятельности. Начинают с середины те, которые без всякого предварительного приготовления усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее.

Должно начинать с начала, то есть совершать молитву со вниманием и благоговением, с целью покаяния, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприсутствовали молитве... Особенное попечение, попечение самое тщательное, должно быть принято о благоустроении нравственности сообразно учению Евангелия... Единственно на нравственности, приведенной в благоустройство евангельскими заповедями... может быть воздвигнут... невещественный храм богоугодной молитвы. Тщетен труд зиждущего на песце: на нравственности легкой, колеблющейся».

Из этой цитаты видно, насколько внимательным и благоговейным должно быть отношение к молитве Иисусовой, она должна совершаться не как-нибудь, а правильно. В противном случае она не только перестает быть молитвой, но и может погубить христианина. Ибо не сама по себе молитва и любой иной подвиг делает жизнь верующего духовно законной (см.: 2 Тим. 2:5), но только верный при этом настрой души. В одном из писем святитель Игнатий говорит, каким этот настрой должен быть: «Сегодня я прочитал то изречение Великого Сисоя, которое всегда особенно нравилось, всегда было мне особенно по сердцу. Некоторый инок сказал ему: “Я нахожусь в непрестанном памятовании Бога”. Преподобный Сисой отвечал ему: “Это не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари”. Высокое занятие, — делает вывод святитель Игнатий, — непрестанное памятование Бога! Но эта высота очень опасна, когда лестница к ней не основана на прочном камне смирения».

Прелесть

Как видим, достижение духовной чистоты требует знания основ и законов духовной жизни, в противном случае неопытный подвижник может легко заблудиться и впасть в мечтательность, в прелесть. Последний термин, употребляемый отцами, точно вскрывает само существо ложной духовности: тончайшая лесть себе, мнение о своем достоинстве и совершенстве, гордость. Прелесть обычно «закладывается» в изначально ложной цели, которую аскет ставит перед собой: искание откровений, благодатных даров, духовных наслаждений, экстаза, познания тайн иного мира.

В Православии все это решительно воспрещается, поскольку подобное стремление приводит человека к гибели.

Святитель Игнатий предупреждает: «Мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей; мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что он свят, никогда не достигнет святости. Просто сказать: приписывающий себе духовные делания, добродетели, достоинства, благодатные дары, льстящий себе и потешающий себя мнением заграждает этим мнением вход в себя и духовным деланиям, и христианским добродетелям, и Божественной благодати, — открывает широко

вход греховной заразе и демонам. Уже нет никакой способности к духовному преуспеянию в зараженных мнением».

Святитель Игнатий, называя главный источник этой смертельной болезни — гордость, предлагает и противоядие: «Как гордость есть вообще причина прелести, так смирение... служит верным предостережением и предохранением от прелести... Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем, и прелесть никогда не воздействует на нас».

В этом чувстве покаяния и смирения отцы видели главный критерий в различении святости и прелести. Святитель Игнатий пишет: «Все святые признавали себя недостойными Бога: этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении. Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили объявшую их души гордость и бесовскую прелесть. Иные из них приняли бесов, представших им в виде ангелов, и последовали им... иные возбуждали свое воображение, разгорячали кровь, производили в себе движения нервные, принимали это за благодатное наслаждение и впали в самообольщение, в совершенное омрачение, причислились по духу своему к духам отверженным».

Еще об одной из наиболее распространенных причин впадения в самомнение и прелесть святитель Игнатий пишет так: «Не без основания относят к состоянию самообольщения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение молитвою Иисусовою и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением, то есть неупустительным участием в церковных службах и неупустительным исполнением келейного правила, состоящего исключительно из псалмопения и молитвословия, устных и гласных. Они не могут избежать “мнения”... Устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено со вниманием, что встречается очень редко, потому что вниманию научаемся преимущественно при упражнении молитвою Иисусовою». Естественно, что это замечание относится не только к инокам, но и к священникам, удовлетворяющимся одним внешним молением (совершением богослужений), и ко всем христианам, неупустительно участвующим в церковных службах и неупустительно исполняющим домашние правила.

Нехристианский опыт

Однако неверно думать, что прелесть — явление, возникающее лишь на почве специфически христианской, тем более православной. В своей работе «О прелести» святитель Игнатий прямо пишет: «Прелесть есть состояние всех людей, без исключения, произведенное падением праотцев наших. Все мы в прелести. Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая прелесть признавать себя свободным от прелести. Все мы

обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении истиною. Истина есть Господь наш Иисус Христос».

Поэтому приведем несколько иллюстраций прелестных состояний из разных «миров». Сначала — из нехристианского.

Будда, например, своим последователям внушает: «Не ищите опоры ни в чем, кроме как в самих себе: сами светите себе, не опираясь ни на что, кроме как на самих себя». Он так говорит о себе: «Я всезнающ, у меня нет учителя, никто не равен мне; в мире людей и богов никакое существо не похоже на меня. Я священный в этом мире, я учитель, я один — абсолютный сам — Будда. Я добился покоя и получил нирвану...»

Знаменитый проповедник Веданты, самой популярной современной системы индуизма, свами (учитель) Вивекананда (†1902) рекомендует такую духовную установку своим последователям: «Напоминание о наших слабостях не поможет; нам нужно лечение...» Вместо того чтобы говорить людям, что они грешники, Вивекананда учит наоборот: «Вы чисты и совершенны, и все, что вы называете грехом, — не ваше... Никогда не говорите: “У меня нет”, никогда не говорите: “Я не могу”. Этого не может быть, так как вы бесконечны... Вы можете делать все, вы всемогущи». «Лучший человек тот, — продолжает он, — кто осмеливается говорить: “Я знаю о себе все”». Или: «Слушайте день и ночь, что вы — Душа. Повторяйте это себе день и ночь, пока эта мысль не войдет в вашу кровь, пока не будет звучать при каждом биении вашего сердца... Пусть все ваше тело наполнит эта одна мысль: “Я — не рожденная, бессмертная, блаженная, всеведущая, вечно прекрасная Душа...” Усвойте эту мысль и проникнитесь сознанием своего могущества, величия и славы». «Чувствуйте, как Христос, — и вы будете Христом; чувствуйте, как Будда, — и будете Буддой». «Вы — Бог, и я тоже... и я скорее буду поклоняться вам, чем какому бы то ни было храму, образу или Библии... Веданта говорит: нет Бога, кроме человека... Единственный Бог для поклонения — это человеческая душа или человеческое тело».

Подобных иллюстраций из индуизма можно было бы привести сколько угодно. Они не требуют комментария: гордость, человекобожие, культ «я» выявляются здесь с полной очевидностью, свидетельствуя о том, что древний обман: *будете яко бози* (Быт. 3:5) — остается, к сожалению, сущностью и целью жизни для многих до сего дня.

Католицизм

Не менее яркий пример духовных уклонений являет собой и римокатолическая аскеза. Это — большая и специальная тема. Поэтому здесь ограничимся лишь краткими иллюстрациями, которые говорят сами за себя.

В жизнеописании одного из самых великих святых католицизма, Франциска Ассизского (XII–XIII вв.), рассказывается, как однажды во время долгой молитвы Франциск «почувствовал себя совершенно превращенным в Иисуса»,

Которого он тут же и увидел в образе шестикрылого серафима. После этого видения у Франциска появились болезненные кровоточащие раны — стигматы. О другой своей молитве Франциск так рассказывал своему ученику: «Во время этой молитвы... передо мной явились два больших света. Один, в котором я узнал Создателя, и другой, в котором я узнал самого себя». Под конец своей жизни он откровенно говорил: «Я не сознаю за собой никакого согрешения, которое не искупил бы исповедью и покаянием». Предсмертными словами Франциска были: «Я исполнил то, что должен был исполнить».

Для сравнения приведем описание предсмертного момента из Жития преподобного Сисоя Великого (V в.): «Окруженный в момент своей смерти братией, в ту минуту, когда он как бы беседовал с невидимыми лицами, Сисой на вопрос братии: “Отче, скажи нам, с кем ты ведешь беседу?” — отвечал: “Это ангелы пришли взять меня, но я молю их, чтобы они оставили меня на короткое время, чтобы покаяться”. Когда же на это братия, зная, что Сисой совершен в добродетели, возразили ему: “Тебе нет нужды в покаянии, отче”, Сисой ответил так: “Поистине я не знаю, сотворил ли я хоть начало покаяния моего”».

Замечательны в своем роде откровения католической святой — блаженной Анжелы. Приведем некоторые из них: «Дух Святой начал говорить следующие слова: “Вместись же в Меня и успокойся во Мне, после того как Я вместился в тебя и остановился в тебе. Был Я с Апостолами, и видели они Меня очами телесными, но не чувствовали Меня так, как чувствуешь ты”»; «...Говорил мне Бог: “Дочь Мудрости Божественной, храм Возлюбленного, улада Возлюбленного и дочь мира, в тебе покоится вся Троица, вся истина”». «Христос» обращается к ней: «Дочь Моя, сладостная Мне много больше, чем Я тебе, храм возлюбленный Мой, у тебя кольцо любви Моей, получила ты вечно от Меня...»; «И сказали Ангелы душе: “Приготовься приять Того, Кто обручил тебя Себе кольцом Своей любви. И уже свершен брак. Поэтому поновому хочет Он совершить брак и соединение”».

По поводу этих состояний Анжелы наш крупный философ, принявший в конце жизни монашеский постриг, А. Ф. Лосев писал в резкой форме: «Соблазненность и прельщенность плотью приводит к тому, что Дух Святой является блаженной Анжеле и нашептывает ей такие влюбленные речи: “Дочь Моя, сладостная Мне, дочь Моя, храм Мой, дочь Моя, наслаждение Мое, люби Меня, ибо очень люблю Я тебя, много больше, чем ты любишь Меня”. Святая находится в сладкой истоме, не может найти себе места от любовных томлений. А Возлюбленный все является и является и все больше и больше разжигает ее тело, ее сердце, ее кровь. Крест Христов представляется ей брачным ложем... Что может быть более противоположно византийско-московскому суровому и целомудренному подвижничеству, как не эти постоянные кощунственные заявления: “Душа моя была принята в несотворенный свет и вознесена” — эти страстные взирания на Крест Христов, на раны Христа и на отдельные члены Его тела, это насильственное вызывание

кровавых пятен на собственном теле и т. д. и т. д.? В довершение всего “Христос” обнимает Анжелу рукою, которая пригвождена была ко Кресту, а она, вся исходя от томления, муки и счастья, говорит: “Иногда от теснейшего этого объятия кажется душе, что входит она в бок Христов. И ту радость, которую приемлет она там, и озарение рассказать невозможно. Ведь так они велики, что иногда не могла я стоять на ногах, но лежала и отымался у меня язык... И отнялись у меня язык и члены тела”».

Тот же самый мистицизм видим и у великих католических святых — Катарины Сиенской (XIV в.) и Терезы Авильской (XVI в.), возведенных папой Павлом VI (†1978) в высшее достоинство — Учителей Церкви, и у многих других.

Тереза Авильская, например, перед смертью восклицает: «О, Бог мой, Супруг мой, наконец-то я Тебя увижу!» Этот в высшей степени странный возглас не случаен. Он — закономерное следствие всего «духовного» подвига Терезы, существо которого открывается хотя бы в следующем факте. После многочисленных своих явлений «Христос» говорит Терезе: «С этого дня ты будешь супругой Моей... Я отныне не только Творец твой, Бог, но и Супруг». «“Господи, или страдать (с Тобой), или умереть (за Тебя)!” — молится Тереза и падает в изнеможении под этими ласками, закатывает глаза... и по всему телу ее пробегает содрогание...» — пишет Д. С. Мережковский. «Душу зовет Возлюбленный таким пронзительным свистом, что нельзя этого не услышать, — вспоминает Тереза. — Этот зов действует на душу так, что она изнемогает от желания».

Не случайно американский психолог начала XX века В. Джемс в своей книге «Многообразие религиозного опыта», оценивая мистический опыт Терезы, писал, что «ее представления о религии сводились, если можно так выразиться, к бесконечному любовному флирту между поклонником и его божеством».

Еще одной иллюстрацией полной утраты католицизмом святоотеческих критериев в понимании духовной жизни являются откровения скончавшейся в 24-летнем возрасте Терезы из Лизье (Терезы Маленькой, или Терезы Младенца Иисуса) — последней по времени из высших католических святых. В 1997 году, в связи со столетием ее кончины, «непогрешимым» решением папы Иоанна Павла II она была объявлена Учителем (!) Церкви. Чему она научает Церковь, об этом красноречиво свидетельствует ее автобиография «Повесть об одной душе». Вот несколько цитат оттуда:

«Во время собеседования, предварившего мой постриг, я поведала о делании, которое намеревалась совершить в Кармеле: “Я пришла спасти души и прежде всего — молиться за священников”» (не себя она пришла спасти в монастырь, но других!).

Произнося, как кажется, слова о своем недостоинстве, она тут же пишет: «Я неизменно храню дерзновенное упование на то, что стану великой святой... Я думала, что рождена для славы, и искала путей к ее достижению. И вот

Господь Бог... открыл мне, что моя слава не будет явлена смертному взору и суть ее в том, что я стану великой святой!» Ни один из святых никогда не имел «дерзновенного упования» стать «великим святым». Преподобный Макарий Великий, которого сподвижники за редкую высоту жизни называли «земным богом», лишь молился: «Боже, очисти мя грешнаго, яко николиже сотворих благое пред Тобою».

Позднее Тереза напишет еще более откровенно: «В сердце моей Матери-Церкви я буду Любовью... тогда я буду всем... и через это моя мечта осуществится!» Какая же это любовь, которой живет и которой научает свою Церковь ее учитель Тереза? «Это было лобзание любви. Я чувствовала себя любимой и говорила: “Я люблю Тебя и вверяю Тебе себя навеки”. Не было ни прошений, ни борьбы, ни жертв; уже давно Иисус и маленькая бедная Тереза, взглянув друг на друга, поняли все... Этот день принес не обмен взглядами, а слияние, когда больше не было двух, и Тереза исчезла, словно капля воды, потерявшаяся в океанских глубинах». Эта «любовь» не требует комментариев.

Весьма показателен опыт и еще одного из великих столпов католической мистики — родоначальника ордена иезуитов Игнатия Лойолы (XV–XVI вв.). Его книга «Духовные упражнения» прямо призывает к тому, что категорически запрещено вселенским опытом святых, — к воображению Бога, распятого Христа, проникновению в мир Его чувств и страданий, представлению Девы Марии, святых и т. д. Это воображение различных картин и сюжетов на основе библейской истории является для медитирующего сущностью всех упражнений, предлагаемых данным руководством.

Вот несколько иллюстраций из этого «руководства» к духовной жизни. Упражняющийся должен «...представить себе, как Три Божественные Ипостаси взирали на мир, переполненный людьми, и как, видя, что все идет в ад, постановили в Своей вечности, чтобы Второе Лицо вочеловечилось для спасения человеческого рода». Рекомендуются «...вообразить все огромное пространство земли... В отдельности увидеть домик и комнатку Владычицы... в городе Назарете» и «...воззреть на Пресвятую Деву и Ангела, который Ее приветствует, и размыслить, дабы извлечь какую-нибудь пользу от этого зрелища». Далее предлагается «вслушаться в слова. Слушать, что говорят между собой люди: как клянутся и богохульствуют» и т. д. Также послушать, что говорят Лица Пресвятой Троицы: «Сотворим искупление рода человеческого»; наконец, что говорят Ангел и Пресвятая Дева. «После чего я подумую обо всех этих словах, чтобы извлечь из них для себя некий плод».

Рекомендуется и такое созерцание: «Обозреть путь от Назарета до Вифлеема, представляя себе его длину, ширину, ровен ли он был или шел по горам и долинам. Точно так же обозреть место или пещеру Рождества, обширная она была или маленькая, низкая или высокая и как устроена... Видеть участвующих лиц: Святую Деву, Иосифа, служанку и Младенца Иисуса...» При этом нужно «вкушать и обонять бесконечную благодать и сладость Божества... Дотрагиваться мысленным прикосновением, например, обнимать

и целовать те места, на которых эти лица пребывали, всегда стараясь получить от этого какой-нибудь духовный плод».

Лойола советует также размышлять «о двух знаменах, одно — Иисуса Христа — наивысшего Вождя и Господа нашего, другое — Люцифера — смертельного врага человеческого рода». Сначала необходимо «представление места; тут видеть огромную поляну в окрестностях Иерусалима, где находится... Иисус Христос; и другое поле в окрестности Вавилона, где предводительствует врагам Люцифер». «Представить себе на этом огромном поле вавилонском начальника всех врагов как бы сидящим на престоле из пламени и дыма, и сам он страшного, отвратительного вида». «Заметить, как Христос, Господь наш, стоит на огромном поле в окрестностях Иерусалима, на ровном месте, красивый и благостный».

Все это рассматривается Православной Церковью как тяжелейшая, в силу ее неизлечимости, духовная болезнь.

Вот несколько высказываний тех древних отцов, опыт которых совершенно забыт в Католической Церкви.

Преподобный Нил Синайский (V в.) предупреждает: «Не желай видеть чувственно Ангелов, или Силы, или Христа, чтоб с ума не сойти, приняв волка за пастыря и поклонившись врагам — демонам».

Преподобный Симеон Новый Богослов (X–XI вв.), рассуждая о тех, кто на молитве «воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых», прямо говорит, что «это (то есть так думать о сем образе молитвы) есть знак прелести». «На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими и подобное», — добавляет преподобный Симеон.

Преподобный Григорий Синаит (XIII–XIV вв.) пишет: «Прелесть, говорят, в двух видах является, или, лучше, находит — в виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причину... Первый образ прелести — от мечтаний. Второй образ... начало свое имеет в сладострастии, рождающемся от естественного похотения... В этом состоянии прельщенный берется пророчествовать, дает ложные предсказания... бес непотребства, омрачив их ум сладострастным огнем, сводит их с ума, мечтательно представляя им некоторых святых, давая слышать слова их и видеть лица».

Подобных высказываний отцов Вселенской Церкви можно привести множество. Все они едины в том, о чем предупреждает апостол Иоанн Богослов: *Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире* (1 Ин. 4:1).

Однако самое губительное, о чем свидетельствует опыт католических святых, — даже не очевидная прельщенность названных подвижников, ибо таковые есть и в Православии, а тот глубоко печальный факт, что все они и множество им подобных прославляются Римом как святые и Учители Церкви. Здесь,

следовательно, мы имеем дело с полным искажением в Католической Церкви главного вопроса христианской веры — учения о пути спасения и духовном совершенстве человека. Не случайно поэтому наши подвижники, святители Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник, преподобный Амвросий Оптинский, праведный Иоанн Кронштадтский и многие другие, столь решительно заявляли о глубоком искажении учения Римско-Католической Церкви о духовной жизни.

Святитель Игнатий, например, писал: «Большая часть подвижников Западной Церкви, провозглашаемых ею за величайших святых, по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее, молились и достигали видений, разумеется, ложных... В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некоторое напряжение, как являлись перед его взорами, по его желанию, ад или рай... Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, — даруются неожиданно, весьма редко... Усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкой того пламени, которым разжжены прельщенные».

Святитель указывает и на другие, скрытые от внешнего взора причины прелестных состояний западных подвижников. Так, он пишет: «Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сластолюбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвигающихся, соделывают их исступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще не способен по нечистоте своей; за недостижением истины — сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все незаконно подвигающиеся находятся в этом состоянии. Оно развивается в них больше или меньше, смотря по тому, сколько они усиливают свои подвиги. Из этого состояния написано западными писателями множество книг».

Интересно, что святитель Игнатий, изучавший католическую аскетическую литературу не по переводам, а в латинских подлинниках, указывает и конкретные временные координаты отступления новых католических подвижников от единого опыта святых единой Вселенской Церкви. Он пишет: «Преподобный Венедикт, святой папа Григорий Двоеслов еще согласны с аскетическими наставниками Востока, но уже Бернард отличается от них резкой чертой; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная... мечтательность заменяет у них все

духовное, о котором они не имеют никакого понятия. Эта мечтательность признана ими благодатью».

Прелесть, как видим, возникает у тех, кто живет не по святоотеческому учению, а по своим идеям, желаниям и пониманию и ищет не спасения от греха, а благодатных наслаждений, откровений, даров. Их обычно и «получает» в изобилии горе-подвижник в своем разгоряченном воображении и действием темных сил. Прелесть поэтому — не один из возможных и равноценных вариантов духовности, не свой особый путь к Богу, но тяжелая болезнь, искажающая понимание истинной святости, уводящая тем самым христианина на путь прямой гибели.

Особенно часты порывы к высотам у новообращенных, не познавших еще своего *ветхого человека*, не освободившихся от страстей, но стремящихся сразу добиться состояний человека нового, совершенного. Недаром у отцов есть выражение: «Видишь юного, летящего на небо, стащи его за ногу на землю». Причина подобных ошибок все та же; незнание законов духовной жизни, незнание себя. Святитель Игнатий приводит следующие замечательные слова преподобного Исаака Сирина: «Если некоторые из отцов... написали о том, что есть чистота души, что есть здание ее, что бесстрастие, что видение, то написали не с тем, чтобы мы искали их преждевременно и с ожиданием. Сказано в Писании: *Не придет Царствие Божие приметным образом* (Лк. 17:20). Те, в которых живет ожидание, стяжали гордыню и падение... Искание с ожиданием высоких Божественных даров отвергнуто Церковью Божией. Это не признак любви к Богу; это недуг души». Святитель Игнатий заключает эту мысль такими словами: «Святые отцы Восточной Церкви, особенно пустынножители, когда достигали высоты духовных упражнений, тогда все эти упражнения сливались в них в одно покаяние. Покаяние обымало всю жизнь их, всю деятельность их: оно было последствием зрания греха своего».

В этом видении греха своего, рождающем истинное смирение и *покаяние нераскаянно* (2 Кор. 7:10), и заключается единственно надежная, непоколебимая основа всей духовной жизни христианина!

Духовник

К сожалению, любой верующий, если он живет «сам по себе», без духовного наставника, без руководства святоотеческими писаниями, может оказаться в бедственном положении. Но если понимание творений святых отцов — задача не простая, то многократно более трудной является находение истинного руководителя. Поэтому советы святителя Игнатия по данному вопросу особенно ценны.

Вот некоторые его рекомендации, заимствованные из писаний святых отцов, касающиеся отдельных сторон этой большой проблемы.

О духовных наставниках

Преподобный Симеон Новый Богослов в X веке говорит, что трудно найти руководителя бесстрастного и святого, «что во дни сии много явилось прелестников и лжеучителей».

Преподобный Григорий Синаит (XIII–XIV вв.) решился сказать, что в его время «вовсе нет благодатных мужей, так сделались они редки».

Преподобный Нил Сорский (XV–XIV вв.) свидетельствовал: «Ныне, по причине совершенного оскудения духоносных наставников, подвижник молитвы вынужден исключительно руководствоваться Священным Писанием и писаниями отцов».

Святитель Игнатий, продолжая мысль преподобного Нила, предупреждает: «Тем более в наше время делателю молитвы необходимо наблюдать величайшую осторожность. Богодухновенных наставников нет у нас!»

Также святитель пишет: «Отцы, отделенные от времен Христовых тысячелетием, повторяя совет своих предшественников, уже жалуются на редкость богодухновенных наставников, на появившееся множество лжеучителей и предлагают в руководство Священное Писание и отеческие писания. Отцы, близкие к нашему времени, называют богодухновенных руководителей достоянием древности и уже решительно завещают в руководство Священное и Святое Писание, проверяемый по этим Писаниям, принимаемый с величайшей осмотрительностью и осторожностью совет современных... братьев».

О выборе духовника

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (IV–V вв.) предупреждал: «Полезно открывать свои помыслы отцам, но не каким попало, а старцам духовным, имеющим рассуждение, старцам не по телесному возрасту и сединам. Многие, увлекшись наружным видом старости и высказав свои помышления, вместо врачевства получили вред».

Преподобный Иоанн Лествичник (VI–VII вв.) говорил: «Когда мы... желаем... верить спасение наше иному, то еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь проницательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искушать сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача — на больного, вместо бесстрастного — на человека, обладаемого страстями, вместо пристани — в пучину и таким образом не найти готовой погибели».

Преподобный Симеон Новый Богослов свидетельствовал: «Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе бесстрастного и святого руководителя. Также и сам исследуй Божественные Писания, особенно же практические сочинения святых отцов, чтобы, сравнивая с ними то, чему учит тебя учитель и предстоятель, ты смог видеть это, как в зеркале, и сопоставлять, и согласное с

Божественными Писаниями принимать внутрь и удерживать в мысли, а ложное и чуждое выявлять и отбрасывать, чтобы не прельститься. Ибо знай, что много в эти дни стало прельстителей и лжеучителей».

Святой Макарий Великий (IV в.) говорил: «...встречаются души, соделавшиеся причастниками Божественной благодати... вместе с тем, по недостатку деятельной опытности, пребывающие как бы в детстве, в состоянии очень неудовлетворительном в отношении к тому состоянию, которое требуется и доставляется истинным подвижничеством».

«В монастырях употребляется о таких... старцах изречение: “свят, но не искусен”, и наблюдается осторожность в совещаниях с ними... чтоб не вверяться поспешно и легкомысленно наставлениям таких старцев». Преподобный Исаак Сирийский говорит даже, что такой старец «недостойн называться святым».

Святитель Феофан Затворник писал: «При определении их [духовников] должно употреблять великую осмотрительность и строгое рассуждение, чтобы вместо пользы не нанести вред, вместо созидания — разорение».

О взаимоотношениях духовника и пасомых и правильном отношении к духовнику

Святитель Игнатий призывает: «Всякий духовный наставник должен... приводить души к Нему [Христу], а не к себе... Наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению перед учениками, умалению, которое служит признаком их духовного преуспевания... Охранитесь от пристрастия к наставнику. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками своими в сеть диаволу... Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог. И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела... И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи...»

О послушании духовнику

Святитель Игнатий говорит: «Те старцы, которые принимают на себя роль... — употребим это неприятное слово... чтоб точнее объяснить дело, которое, в сущности, не что иное, как душепагубное актерство и печальнейшая комедия, — старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании — послушании суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть... Возразят: вера послушника может заменить недостаточество

старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению Апостола (см.: 2 Сол. 2:10–12)».

И еще: «Если же руководитель начнет искать послушание себе, а не Богу, — не достоин он быть руководителем ближнего! Он не слуга Божий! — Слуга диавола, его орудие, его сеть! *Не будите раби человеком* (1 Кор. 7:23), — завещает Апостол».

В книге «Приношение современному монашеству» в главе «О жительстве по совету» святитель Игнатий пишет: «Тщеславие и самомнение любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! Они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву нелепым советом, который принимается неопытным новоначальным с безотчетливою доверенностью, с плотским и кровавым разгорячением! Им нужен успех, какого бы ни был качества этот успех, какое бы ни было его начало! Им нужно произвести впечатление на новоначального и нравственно подчинить его себе! Им нужна похвала человеческая! Прослыть святыми, разумными, прозорливыми старцами, учителями! Им нужно напитать свое ненасытное тщеславие, свою гордыню!»

«Никак не будь послушен на зло, если б и случилось тебе потерпеть за нечеловекоугодие и твердость твои некоторую скорбь. Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братьями; но усваивай себе советы их с крайнею осторожностью и осмотрительностью. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя!»

«Преподобный Пимен Великий (IV–V вв.) повелел немедленно разлучаться со старцем, совместное жительство с которым оказывается душевредным», по заповеди Спасителя: *...оставьте их: они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму* (Мф. 15:14).

О жизни по совету

Вот какие еще мысли встречаем у святителя Игнатия:

«Преподобный Нил Сорский никогда не давал наставления или совета прямо из себя, но предлагал вопрошающим или учение Писания, или учение отцов. Когда же... он не находил в памяти освященного мнения о каком-либо предмете, то оставлял ответ или исполнение до того времени, как находил наставление в Писании. Этот метод очевиден из сочинений священномученика Петра Дамаскина, преподобного Григория Синаита, святых Ксанфопулов и других отцов, особенно позднейших. Его держались... иеросхимонахи Оптиной пустыни Леонид и Макарий... Никогда не давали они советов из себя... Это давало советам их силу».

«По учению отцов, жительство... единственно приличествующее нашему времени, есть жительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братьев; этот совет опять должно поверять по писанию отцов».

«Скромное отношение советника к наставляемому — совсем другое, нежели старца к безусловному послушнику... Совет не заключает в себе условия непременно исполнять его: он может быть исполнен и не исполнен».

Таков голос Священного Предания Церкви, говорящей нам и сегодня через своих святых об одном из самых болезненных вопросов современной духовной жизни.

* * *

Этот очень краткий обзор основных положений аскетического учения святителя Игнатия показывает, насколько глубоко и тщательно рассматривал он вопросы духовной жизни. Будучи сам ревностным подвижником, обладающим при этом прекрасным знанием святоотеческих творений, раскрывающих опыт богопознания, он в своих суждениях и оценках всегда и неизменно исходил только из этого единственно достоверного источника. Этот непоколебимый фундамент Православия был основой всего его творчества, всех его сочинений, что сделало их ценнейшей духовной энциклопедией православной жизни. Как писал преподобный Никон (Беляев) Оптинский, творения святителя Игнатия для множества верующих действительно являются «азбукой духовной жизни».

Творения святителя Игнатия приобретают для ищущего спасения современного христианина и еще одно серьезное значение — надежного и бесспорного критерия в оценке того, что появляется в нашем церковном мире. В настоящее время издается много работ самых разных авторов о духовной жизни. Эти труды, естественно, имеют разное достоинство. Нередко это и католические, и протестантские сочинения, низводящие понимание духовности до сентиментальных, сладких переживаний и «духовных романов» со Христом. Часто авторы таких книг — неофиты, хотя и искренно хотящие просветить весь мир, но не имеющие ни знания святоотеческого учения о правильной молитве и опасностях в этой жизни, ни личного опыта познания себя и соответствующего смирения, ни даже богословского образования.

Прямое искажение понимания духовной жизни представляет собой и убеждение, что главное в Православии — это церковные праздники, богослужения, иконы (особенно чудотворные), мощи, другие святыни, святые места и т. д. Подобным же является и мнение, что принятие человеком таинств, прежде всего Крещения, независимо от его веры и жизни, уже гарантирует его принадлежность к Церкви и избавление от всех бед и зол.

Но такое понимание Православия отнимает у христианина то главное, ради чего пришел Христос и создал Церковь, — исцеление человека от греха и достижение им чистоты сердца жизнью по заповедям Христовым, борьбой со своим *ветхим человеком* (Кол. 3:9), покаянием. Игумен Никон (Воробьев)

писал: «...род бесовский изгоняется постом, молитвой и смирением. Без этой святой троицы добродетелей ничего не сделаешь». Вся же внешняя церковная жизнь, с ее богослужениями, установлениями и обрядами, является спасительной для того верующего, который живет по Евангелию.

[1] Книга хранится в Церковно-историческом музее Данилова монастыря в Москве.